

ИСТОРИЯ

Н.И. Поташкова

К нам едет ревизор: Сибирская ревизия 1819–1821 гг.

Кто бы мог подумать, что бессмертная заключительная фраза из гоголевского «Ревизора» до сих пор будет столь актуальной? Какой побудительной силой она обладает и как заставляет активизироваться проверяемых!

Сейчас гоголевские ревизоры (не путать с Хлестаковыми!) заменены на целую систему контрольно-надзорных органов, а рефлекс у городничих остался. И к каждой проверке, а их разнообразию подивился бы великий классик, готовят документы, проверяют и перепроверяют свою работу, «подчищают» огрехи... И славно, если зоркий глаз представителя надзорных органов не заметил чего-либо (а если и заметил, то не отразил в заключении). Да и где же все увидеть, если проверяется целое направление: например, финансовая дисциплина.

Страх перед ревизорскими проверками и их последствиями, наглядно показанный в комедии Н.В. Гоголя «Ревизор», имеет вполне объяснимые причины.

В начале XIX века ревизоры назначались императорскими указами. В Инструкции сенаторам, назначаемым для обревизования губерний от 17 марта 1819 года, обозначалась сфера ревизорских проверок [1, с. 2–11].

Согласно ей ревизоры проверяли наличие следующих документов: от губернского правления – именной список обо всех чинах и канцелярских служителях (с указанием причин имеющихся вакансий); ведомости по всем присутственным

местам губернии – о делах решенных; информацию о нерешенных делах (находящихся в стадии разрешения); материалы о предыдущей ревизии (а если ее не было – то информацию о состоянии дел в губернии за три последних года).

Ревизор должен выяснить, соблюдаются ли в присутственных местах сроки заседания и законность принимаемых решений, есть ли жалобы на противозаконные требования чиновников (и сельских начальников) в отношении пошлин и сборов или по другим случаям. Соответственно тщательно должна проверяться фиксация поступающих сборов и пошлин по казенным волостям для выявления нецелевого расходования средств. Собиралась информация о деятельности приказа общественного призрения, дворянских опеки и сиротских судов, проверялись отчеты опекунов, жалобы на злоупотребления и бездействие должностных лиц.

Особое внимание уделялось сведениям из казенной палаты о количестве, основаниях и источниках сборов по губерниям; о причинах несвоевременной их отправки в государственную казну, о размере недоимок, собирались полные сведения о городских и земских повинностях.

По инструкции требовалось, чтобы ревизор лично осматривал все присутственные места: губернские и уездные правления, судебные учреждения для выяснения следующих вопросов: «Все ли судилища и места наполнены определенным числом чиновников и канцелярских служащих? Способны ли они? Все ли исправно получают жалование? Нет ли пристрастия в награждениях? Как отбираются к службе?» [1, с. 3]. Также по присутственным местам выявлялись причины неисполнения высочайших и Сенатских указов. По судебным учреждениям проверке подвергалось соблюдение сроков заседаний и генерального регламента; принцип распределения дел между чиновниками, наличие (отсутствие) уважительных причин при затягивании сроков рассмотрения; продление сроков предварительного следствия. Рекомендовалось «не оставлять

без внимания закрытых и безгласных злодеяний и преступлений, пыток и непозволительных истязаний при следствиях и допросах», выявлялось, допускались ли случаи судебной волокиты, несправедливого разрешения дела. И «хотя сенаторы в разбирательство таковых дел не вступают, ибо они посылаются не яко судии, а яко инспекторы», но они вправе обратить внимание чиновников на это и «доставляют тяжущимся законное покровительство» [1, с. 9].

Ревизор наделялся широкими полномочиями. Он был вправе остановить исполнение «законопротивного приговора» или повеления по делу, подведомственному правительствующему Сенату, а если суд этому препятствует – то направить донесение императору или в Сенат.

Исследовались вопросы организации довольствия и содержания ссыльных, рассматривался список содержащихся колодников с указанием преступлений каждого. В соответствии с §20 Инструкции, уточнялось, «исполняет ли свои обязанности полиция?». Ревизору рекомендовалось «обратить особенное внимание на то, нет ли каких-либо от местных начальств народу притеснений, жестокостей в употреблении власти» [1, с. 11]. Ревизор вправе осматривать все части, вверенные министерствам: горную, лесную, по казенным винокурным заводам, фабрикам, соляным операциям, полицейские учреждения. При нахождении недостатков было необходимо уведомить соответствующее министерство.

Истории известны имена деятелей, которым было под силу исполнить такую инструкцию в ряде губерний центральной части Российской империи. Михаил Михайлович Сперанский был тем ревизором, который с 1819 по 1821 г. проверял состояние дел в самой большой губернии в России – Сибирской. Почему же власть была так обеспокоена состоянием дел Сибири?

Обобщая различные подходы к изучению причин, вызвавших такую активную деятельность государственной власти в

отношении этой гигантской окраины, следует изложить эти причины в такой очередности:

1. Необходимость усовершенствования системы администрирования сибирскими землями;
2. Необходимость включения коренного населения Сибири в общую социальную структуру населения и определения статуса различных социальных групп сибирского населения;
3. Государственная необходимость укрепления своего финансового положения на окраине.

Надо сказать, что в Сибири в самом начале XIX века уже проводились ревизии. Именным указом императора от 9 июня 1801 года приказано директору департамента государственного благоустройства Министерства иностранных дел И.О. Селифонтову «обозреть Сибирский край, а затем представить свои соображения относительно более удобного административного разделения, узаконений, с учетом местных условий» [2, с. 132]. В том же 1801 году был направлен для ревизии Вятской, а затем и Казанской губернии И.Б. Пестель, находившийся с 1799 года в отставке и даже лишенный жалования указом Павла I. Именно он впоследствии сменил Селифонтова на посту генерал-губернатора Сибири.

Немало язв, порожденных администрированием, увидел тайный советник Селифонтов: «Иркутская губерния была в таком бедственном положении, что без слез на нее взирать было невозможно...» [2, с. 133]. Уже в 1803 году государь назначает его генерал-губернатором Сибири. Некоторые изменения (учреждение Томской губернии, введение вместо уездов комиссарств, сокращение количества присутственных мест, учреждение казенных запасных магазинов) в целом не изменили ситуации. И.В. Щеглов характеризовал генерал-губернатора И.О. Селифонтова так: «умный, но слабый правитель», при котором все «пало ниц и безмолвствовало» [3, с. 341]. Через три

года Селифонтов уволен от службы и на его место назначен И.Б. Пестель.

Приняв Сибирь без всякого предварительного ее обревизования, Пестель с 1806 до 1819 года был ее полновластным хозяином. По словам Н.М. Ядринцева, «... вся система Пестеля сводилась к тому, чтобы в Сибири предоставить своему губернатору распоряжаться при помощи огромной власти по своему усмотрению и, во избежание жалоб, подавлять их на месте, перехватывать и перерешать» [4, с. 263]. Об Иване Борисовиче Пестеле говорили как о человеке с деспотическими замашками. Декабрист Г.С. Батеньков в одном из своих показаний говорит о тех гонениях, которым он в период своей службы в Сибири подвергался со стороны генерал-губернатора, и называет его человеком «страшным» [5, с. 29].

Негодование сибиряков правлением Пестеля достигло предельно допустимой концентрации к 1818 году, когда жалоба мещанина Саламатова, отца семерых детей, добравшегося в Санкт-Петербург через Китай, была им лично вручена царю.

Императорским указом от 22 марта 1819 года генерал-губернатором Сибири назначен пензенский губернатор М.М. Сперанский. Высочайший рескрипт рекомендует новому генерал-губернатору «... исправля... властью все то, что будет в возможности, облича лица, предающиеся злоупотреблениям, предав кого нужно законному суждению, важнейшее занятие ваше должно быть: сообразить на месте полезнейшее устройство и управление сего отдаленного края и, сделав оному начертание на бумаге, по окончании занятий ваших лично привезти оное в Петербург, дабы имел я способ узнать изустно от вас настоящее положение сего важного края и прочным образом установить его благосостояние» [6]. М.М. Сперанскому было дано право отстранять от должности любого из сибирских чиновников, до губернатора включительно.

Сперанский считал необходимым прежде своего назначения провести ревизию края. В переписке с А.А. Столыпинными

он прямо об этом говорит: «Как Вы могли себе представить, что я пущусь управлять Сибирью, коею никто и никогда управлять не мог?» [7, с. 121.]. Однако послушаться императора нельзя и в мае 1819 года ревизор и генерал-губернатор Сибири отправился в путь. Для эффективности расследования были приняты все меры, чтобы слухи о грядущей поездке столичного ревизора преждевременно не достигли Сибири.

Пенза, Казань, Пермь, Екатеринбург... При встрече в Екатеринбурге новому генерал-губернатору преподнесли хлеб-соль на серебряном блюде. Хлеб взял, серебряное блюдо вернул, чем несказанно изумил встречающих. 24 мая 1819 г. он прибыл в Тобольск. Здесь им были уволены от службы 9 комиссаров и освобожден узник, заточенный на 12 лет генерал-губернатором И.Б. Пестелем. С 30 июня в Омске – ревизия школ, училищ, посещение острога. В начале июля – Томск. Сперанский знакомится с начальником Сибирского корпуса путей сообщения молодым инженером Г.С. Батеньковым, ставшим одним из главных сподвижников в деле подготовки преобразований и проведения в 1819–1822 гг. Сибирской реформы. Задержавшись в Томске для обобщения результатов ревизии и отстранив от должностей губернатора Томской губернии Д.В. Илличевского и губернатора Иркутской области Н.И. Трескина, в 1820 году Сперанский вновь отправляется по Сибири.

С 3 по 11 августа – Томск – Ачинск – Енисейск – Красноярск. 16 августа – Нижнеудинск, 29 августа – Иркутск. С 8 октября 1820 до 8 февраля 1821 года Сперанский живет в Тобольске. В те места, куда ревизор лично не приехал, он отправлял специальные комиссии: в Нарым, Туруханск, Киренский острог.

Следственная, фискальная работа, хлебные запасы, винокурение, пути сообщения и расселения ссыльных, соляные промыслы, переселение казенных крестьян из европейской части России в Сибирь, замирение инородцев, строительство, устройство казачьих команд, государственные и частные заводы, сбор податей, народное образование, организация ки-

тобойного промысла, экспедиция к Северному Ледовитому океану и на Камчатку, руководство дипломатической миссией в Пекине, дела Российско-Американской компании... Да отдыхал ли его высокопревосходительство граф Сперанский?

Население крупных городов и множества уездных городков и сел буквально забрасывало генерал-губернатора жалобами на самоуправство, издевательства и поборы местного начальства. Жаловались на беспорядки в судопроизводстве при рассмотрении исков по долговым обязательствам, на практику отдачи ростовщикам «в залог» детей за деньги, занятые родителями, на непомерные проценты по долгам, на то, что «мироеды» удерживают должников в бессрочной работе.

Выяснилось, что слово взятка слишком обыденно для обозначения того, что увидел ревизор. Поэтому Сперанский обозначил это явление, господствовавшее во всей Сибири, как лихоимство. В это понятие, кроме повального взяточничества, органично вписались административный произвол и казнокрадство. Просвещенный, европейского склада ум Сперанского не смог подобрать иного правового понятия, обозначающего весь комплекс выявленных злоупотреблений, и обратился к уголовно-правовому языку Судебника 1497 года.

Количество «лихих людей», отданных под суд и наказанных в административном порядке, – 681 человек, чином от губернаторов двух сибирских губерний и до инородческих начальников. По результатам инспектирования «частей управления вверенного края» Сперанским были созданы три следственные комиссии – в Иркутске, Нижнеудинске и Якутске, которые провели разбирательство по 74 следственным делам и по соответствию должности почти тысячи местных чиновников [8]. По всем сибирским губерниям введена свобода внутренней торговли (24.11.1819), изменено административно-территориальное деление Сибири (26.01.1821) и введен в 1822 году целый комплекс нормативно-правовых актов, регулирующих важнейшие социально-экономические отноше-

ния – «Сибирское учреждение». Н.П. Булатов, свидетель ревизии, писал: «... приезд Сперанского произвел переворот во всех отношениях... Законы Сперанского имели влияние на Сибирь в том отношении, что ограничивали деспотизм... Он внес новый дух в управление» [9, с. 118]. И это при том, что Сперанский уже не тот смелый преобразователь, что был десятью годами ранее: «Прежняя смелость уступила в нем место крайней осторожности», – так писал В.И. Вагин в своем фундаментальном труде о М.М. Сперанском [2, с. 325].

По итогам ревизии был подготовлен «Отчет тайного советника Сперанского и обозрение Сибири». Одновременно генерал-губернатор отредактировал и дополнил комплекс законопроектов, подготовленных для сибирской реформы. Первопричиной беспорядков и злоупотреблений Сперанский считал отсутствие коллегиальности в управлении, а также стройной законодательной системы, приспособленной к условиям края. Материалы в начале 1821 года представляются Александру I.

По результатам реформы М.М. Сперанский сделал следующие выводы.

1. Злоупотребления и самоуправство местных чиновников вызваны отсутствием четкого определения их полномочий и функционального отделения от центральной власти.

2. Своеобразие Сибири требует комплексного правового регулирования всех сторон жизни.

Для рассмотрения вопроса о Сибири 21 июня 1821 года был образован Сибирский комитет. В нем были сосредоточены все сведения об экономическом и социально-политическом состоянии края: статистические отчеты, донесения с мест, законодательные акты и пр. Около года (четыре-пять раз в месяц) обсуждались материалы ревизии, а также проекты законодательных актов о Сибири. В итоге создан окончательный вариант преобразований, который должен был решить задачи территориального деления Сибири на Западное и Восточное

генерал-губернаторства с образованием симметричных административных структур в каждом их них; упрощения структуры управленческого механизма; создания качественно новых правовых актов.

Автор одного из самых масштабных трудов конца XIX века, посвященных М.М. Сперанскому, сибиряк В.И. Вагин подчеркивает: «С 22 марта 1819 года начинается новая эпоха в сибирской истории. Ни прежде, ни после Сперанского в Сибири не было ничего ему подобного» [2, с. 379]. Завершение ревизорской проверки переустройством Сибири – результат деятельности не просто ревизора, а виднейшего политического деятеля М.М. Сперанского.

Однако оценка деятельности Сперанского в Сибири неоднозначна. Во все времена общество ожидает от реформ «сверху» если не революционных, то эволюционных преобразований. И если результат не отвечает чаяниям общества или не очевидно позитивен, то сами преобразования подвергаются тем же обществом жесткой критике, а реформаторы получают характеристику от «незрелых мечтателей», «умеренных либералов» до «проводников имперской политики». «Досталось» в этом смысле и Сперанскому.

Н.Г. Чернышевский считает более чем умеренными и незавершенными все преобразования Сперанского: «... Он совершенно забыл о характере и размере сил, какие были нужны для задуманных им преобразований... поэтому он не успел исполнить ровно ничего и оказался мечтателем» [10, с. 324]. А.И. Герцен: «... Сперанский попробовал облегчить участь сибирского народа. Он ввел всюду коллегиальное начало; как будто дело зависело от того, кто как крадет – поодиночке или шайками: он сотнями отрешал старых плутов и сотнями принял новых. Года через три чиновники наживались по новым формам не хуже, как по старым» [11, с. 183]. Не менее категоричны высказывания сибирских областников Н.М. Ядринцева, П.А. Словцова, Г.Н. Потанина о недостаточно эффективной

деятельности сибирского генерал-губернатора Сперанского в Сибири [12].

Безусловно, М.М. Сперанский как убежденный сторонник централизации власти, не принимавший идею самостоятельности Сибири, за которую ратовали областники, нашел оптимальный вариант обустройства гигантской окраины в интересах Российской империи.

По мнению Ирины Львовны Дамешек, «... известный отпечаток на процесс управления отдельными территориями огромного государства накладывали субъективные взгляды государственных деятелей каждой эпохи» [13, с. 76]. Можно расширить этот вывод относительно всей Сибирской реформы: если качество преобразований во многом зависит от так называемого субъективного фактора, то каковы были бы последствия для Сибири, если бы ревизовать ее поехал столь уважаемый государем граф А.А. Аракчеев?

Список литературы

1. Инструкция сенаторам, назначаемым для обревизования губерний. Государственный архив Красноярского края, ф. 173 оп. 39.

2. По: *Вагин, В.И.* Исторические сведения о деятельности графа М.М. Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 г. Т. 2. СПб., 1872.

3. *Щеглов, И.В.* Хронологический перечень важнейших данных по истории Сибири 1032–1882 гг. Изд. Восточно-Сибирского отдела императорского русского географического общества / Под. ред. В.И. Вагина: Иркутская типография штата Вост.-Сиб. Военного округа, 1883.

4. *Ядринцев, Н.М.* Сибирь как колония. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб., 1892.

5. *Медведская, Л.А.* Павел Иванович Пестель. М.: «Просвещение», 1967.

6. Указ е.и.в. Александра 1 от 22.03.1819. ГАКК, ф. 173 оп. 1 д. 38.

7. Письма графа М.М. Сперанского к А.А. Столыпину // Русский архив. 1869–1870.

8. Указ е.и.в. Александра 1 от 30.09.1822. О привлечении 48 чиновников к суду и окончании судебного следствия немедленно. ГАКК, ф. 173 оп. 1 д. 55.

9. *Луковская, Д.И.* Михаил Михайлович Сперанский (материалы к биографии). М. Augsburg, 2001.

10. *Чернышевский, Н.Г.* Русский реформатор. Полн. собр. соч. Т. 7. М., 1950.

11. *Герцен, А.И.* Былое и думы. М.: Просвещение, 1984.

12. Идейное течение, сформировавшееся во второй половине XIX века в Сибири и ратовавшее за самостоятельное территориально-административное существование Сибири

13. *Дамешек, И.Л.* Сибирь в системе имперского регионализма (опыт компаративного исследования окраинной политики России в первой половине XIX века). Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2002.